

Настоящие
Приключения

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВИТЬКИ И ГЕНКИ:

«Пчела-убийца». Гонки на мотоциклах
Челюсти – гроза округи. Секреты успешной рыбалки
Лесной экстрим. В погоне за снежным человеком
Супербой, Маньяк и Робот. Герои школьного вечера
В школе юных скаутов. Поиски клада
Искусство требует жертв. Видеокалип на «отлично»
«Т-34». Памятник forever

РАССЛЕДОВАНИЯ ФЕЛИКСА КУРОПЯТКИНА:

Вампир из Мексики
Жмурик-проказник
Стеклянная рука
Ночь летающих гробов
День повелителя пираний
Спасти Элвиса
Капкан на оборотня

ИСТОРИИ ИЗ БУДУЩЕГО:

Остров последнего злодея
Черничная Чайка
Кошмар с далёкой планеты
Планета чудовищ

Эдуард Веркин

Черничная Чайка

МОСКВА 2018

УДК 821.161.1-31-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Оформление серии *Дмитрия Сазонова*

В оформлении переплета использована работа
художника *Виктории Тимофеевой*

В оформлении корешка использована иллюстрация:
Vector Tradition SM / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Веркин, Эдуард Николаевич.

В32 Черничная Чайка / Эдуард Веркин. — Москва :
Эксмо, 2018. — 224 с. — (Настоящие приключения.
Повести для подростков Эдуарда Веркина).

ISBN 978-5-699-99254-6

Приятно и просто быть как все: слушаться старших, прилежно учиться, работать над собой, чтобы стать гармоничной личностью... Но Антону Уткину это не подходит! На прекрасной и мирной Земле будущего он официально признан самым трудным подростком Северного полушария. Его перевоспитанием занимались лучшие педагоги, но разве можно изменить человека, который меняться не хочет? Начинающий злой гений всегда найдет чем заняться. Можно, например, угнать космический корабль...

УДК 821.161.1-31-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99254-6 © Веркин Э., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Гримасы футурологии

Джунгли были темны и беззвучны. Так не должно было быть, в джунглях ночью полно всевозможных звуков, всё время кого-то жрут... Почему тут такая тишина? И почему я раньше этого не замечал? Так тихо не должно быть, не должно.

Я сел, прислонился к столбу. Андрэ не видно. А остальные стоят кругом. Как мертвецы какие-то...

Стало неприятно. Я почувствовал, как по спине пополз холод. Сразу вспомнились легенды про взбесившихся роботов, страшилки, которые мы рассказывали в походе у костра. Как роботы нападают...

«Черничная Чайка»

Конечно, чушь. Чушь, небывальщина. Боты стояли не двигаясь, но мне всё время казалось, что за моей спиной они шевелятся. Перемигиваются, приближаются...

Я обернулся, цепь звякнула, и от этого звяка меня пробрало холодом ещё сильнее. Звук получился какой-то мертвецкий и тоскливый, я почувствовал себя одиноким, самым одиноким человеком на свете.

...А потом среди ветвей начали загораться глаза.

И тут я, конечно же, проснулся. В холодном, заметьте, поту, как герой настоящего готического романа. Даже неприлично. Даже эмаль на клыках трескается. С неприятным хрустом.

Так я, наверное, полмесяца просыпался, пришлось потом к зубоделу бежать, восстанавливать зубное хозяйство. Восстанавливал и думал — прав ли я был? Прав ли я был, что пожалел этих, батискафовцев? Что не вверг их в пучины и стражища, чтоб взывали они ко мне, в грязи пресмыкаясь, с мольбами и жалобным воем, копытца свои растопырив, дрыгаясь костями и соплями брызжа.

Эдуард Веркин

Думал так, думал сяк, к мировому опыту обращался, а потом уже не до рефлексий стало, над головой затрещало. Как шутили древние — капли расплавленного железа стали капать на казённые сапоги.

Читали «Будущее здесь»? Я ещё в восемь лет утянул у прадедушки с пыльной этажерки. Толстенная такая книга, а смешная — просто головой о косяк стучался. Автор Г. Златоборский, известный в своё время футуролог. Но, по-моему, он не футуролог, а обыкновенный фантаст, и даже, пожалуй, сказочник-лапотник — ни одно его предсказание толком не сбылось, только стратосферу сотрясал.

Телепортация. Никаких телепортов на улицах наших городов нет, хотя сам принцип известен давно. Однако телепортация критически меняет молекулярную структуру объектов, поэтому мгновенно перебросить вещество даже на расстояние одного метра не получается. Получается каша. А посему мы летаем. Как в самой дремучей древности — на флаерах, глайдерах, скутерах, вертолётах, много техники напридумывали, хоть в колодец сбрасывай.

«Черничная Чайка»

Никакой еды из тубиков, тут вообще всё как раньше, ну разве что научились выращивать мясо отдельно от коров, а так... Та же самая жарка, варка, фритюр. И даже больше — рестораны и всякие другие полезнейшие общепиты вышли из моды, все как сумасшедшие готовят еду своими руками.

Никаких энергоконвертеров — сыпlesh мусор, получаютcя мегаватты. Энергия вырабатывается универсальными накопителями — спиральными кристаллами, которые могут трансформировать всё — от энергии вращения Земли до температуры, выделяемой телом, — в каждом приборе эти кристаллы, все на автономном обеспечении. А там, где энергии требуется много, — накопители. Чрезвычайно ёмкие. Один дурачок надрезал накопитель алмазным лазером и запустил его в озерцо средних размеров. Вода кипела трое суток.

Или взять хотя бы связь. Основываясь на бурном развитии коммуникационных технологий в начале тысячелетия, все как один предсказывали грядущую революцию в этой области. Однако уже через

Эдуард Веркин

сто лет развития технологий эфирной связи стало ясно, что пользы от неё меньше, чем вреда. Середина двадцать первого века принесла сразу несколько серьёзных эпидемий мозговых расстройств, возникших у людей, предки которых активно использовали беспроводные устройства связи. Была доказана связь между ними и участвовавшими случаями сумасшествия, в результате чего Карантинная Служба провела закон об изъятии мобильных устройств связи. Люди вообще не общаются по радио. Никаких популярных у писателей-фантастов начала тысячелетия телефонов-браслетов, никаких передатчиков, вплавленных в мозг, никаких постоянных информационных полей. Радиотишина.

Из небытия вынырнули обычные проводные телефоны. Если же требуется позвонить подальше, к примеру, на Луну, то используется машинка весом и размером с диван. Есть, правда, ещё устройства сверхсвязи, например те же трансмиттеры, — для вызова экстренной помощи, ну и тому подобных случаев, но пользоваться ими следует только в экстренных ситуациях. А то голова испечётся.

«Черничная Чайка»

Будущее наступило. Только оно совсем не похоже на будущее Г. Златоборского. Будущее как будущее, скучное только очень, даже повоевать не с кем, и это опять в минус нашим доморощенным футурологам — человечество не встретило ни братьев по разуму, ни врагов по оружию, человечество одиноко. Футурология ошибалась.

Но ещё больше ошибалась футурология по части социопсихологии. Предсказывались серьёзные проблемы, массовые разрушительные фобии, скатывание в варварство, войны и новый рассвет. Тут степень попадания пальцем в небо приблизилась практически к ста процентам. Тот же мось Златоборский предсказывал несколько так называемых «ювенальных войн» — ситуаций, когда конфликт поколений выйдет на новый уровень и разрешится лишь с применением оружия, и:

вариант «а» — молодёжь истребит стариков,

вариант «б» — старики уничтожат молодёжь.

Ничего подобного. Никаких войн не случилось, никто не убивал стариков, ни-

Эдуард Веркин

кто не охотился за семнадцатилетними. Вообще количество отклонений в поведении подростков снижалось в два раза за каждые пятьдесят лет. А тех, кто продолжал безобразничать, отправляли в особые педагогические лагеря.

Как меня.

И капли расплавленного железа капали, только не на какие-то абстрактные казённые сапоги, а на мою конкретную голову.

За что?

Официальное заключение (я с гордостью называю его приговором) гласило «за злостное нарушение общечеловеческих нравственных законов, опасное манипулирование сознанием, моральную деградацию...». И ещё две страницы. Этот приговор был зачитан во дворе школы при большом стечении народа, и все меня дружески порицали — я чувствовал, как жгут кожу испепеляющие взгляды моих товарищей... Короче, если бы их было чуть побольше, ну, раза в три хотя бы, они бы меня, наверное, испепелили. Зачитывание приговора сопровождалось демонстрацией материалов, отснятых на

«Черничная Чайка»

Побережье. Понурые боты, железными истуканами возвышающиеся среди пальм. Плантации с сахарным тростником, разросшимся сверх всякой меры. Хижины с твёрдыми тростниками, столбы для наказаний... Одним словом, всё.

И этих тоже показывали. Моих со-счастливец, сиречь:

Октябрину Иволгу, нервическую ин-теллектуалку,

Виталия Потягина, завистливого мен-тального акробата,

Фому Урбанайтеса, шишколюба-меня-ненавистника,

Ярослава Ахлюстина, хитрована ползу-чего, незаурядца чиполлинистого.

Октябрина выглядела не очень, мне по-казалось, что она давненько не мылась, волосы слипшиеся, глаза печальные, си-дит на скамейке, грызёт кедровые ореш-ки. Как белка. Потягин с первого взгляда казался бодрым, он взрыхливал аккурат-ными золотыми грабельками песок. Одна-ко при втором взгляде становилось ясно, что это не просто песок, а специальная успокоительная меркурианская соль, а развесёлая распашонка не распашонка

Эдуард Веркин

вовсе, а психороба — если Потягин вдруг пустится в безобразия, одёжка быстренько его стреножит. Для несведущих под изображением Потягина загорелась надпись «жертва психотравмы».

Следующей жертвой психотравмы был объявлен Урбанайтес, хотя, на мой взгляд, он на жертву совсем не походил. Сидел, составлял икебану. Из водорослей каких-то. Или кактусов. Или шишек. Икебанский икебанщик. Икебанец. Он не жертва психотравмы, он жертва икебаны. Лучше бы его родители не икебаны учили составлять, а капусту выращивать.

Один Ахлюстин пребывал в радужном состоянии духа, боксировал со спарринг-ботом, плыл стометровку, упражнялся в гравитационной машине. Что ему: что рулём, что коромыслом — человек-машина.

Последним показали меня. Я выглядел бодро и весьма преуспевающе, зрителю сразу становилось ясно, что это я устроил несчастным ребятишкам все их злоключения и неприятности. Почему-то, правда, я тоже проходил по разряду «жертв», правда, не психотравмы, а непонятно чего.

«Черничная Чайка»

Всё это показали, потом устроили минуту молчания. Чтобы, значит, почтить мою бедную исковерканную личность, чтобы проститься с ней перед тем, как отправить в горнило перевоспитания.

И все опять на меня уставились, но в этот раз с сожалением, и я ощутил волну их жалости гораздо острее, чем даже ненависти — мне захотелось плакать, и я почувствовал себя самым несчастным человеком на земле. Даже стыдно мне сделалось, а это случалось редко, я подумал, что зря всё устроил с этими гадами, надо было подарить им Лунную Карту, признать своё поражение и посыпать голову пеплом.

Но минута молчания кончилась, резидент Карантинной Службы простёр в мою сторону свой порицательный палец и отправил меня на перевоспитание.

За моральную, видите ли, деградацию! Можно подумать, это я хлестал несчастных ботов плётками-семихвостками. Можно подумать, это я приковал сам себя к столбу и обрёл на ночь кошмаров! Даже не на одну, между прочим.

Конечно, это были не зомби. И даже не долгопяты, лемуры обыкновенные —

Эдуард Веркин

выскочили — целая стая, какая-то у них откочёвка происходила, проскакали, искусаки, чуть кишки не выцарапали! Унеслись. А на следующий день прямо с утра я стал распухать. И руки, и ноги, и всё чесалось, и зудело, и болело, а на следующую ночь понеслась очередная стая, меня снова кусали, щипали и всячески разрывали на куски.

И так три дня, Андре не успевал отгонять этих кровожадников. Когда прибыли герои из Карантинной Службы (как водится, все в белом и золотом, деловитые и с внушительным опозданием), то я истекал кровью и весь страдал. Как если бы ко мне приставили сразу восемь дюжин изрядных пиявок, а самого до этого напоили антикоагулянтом. Меня отправили на лечение, а едва я смог ходить и реагировать на окружающее, взялись разбираться, что же произошло на Злыдневом Бряге. И не только разбираться, но уже и потихоньку перевоспитывать. Должен признать, с успехом.

Я почти сразу раскаялся, признал все ошибки и уже готовился переродиться в высоконравственную личность, однако